

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР

Г.Разумов

Москва
1996

Геннадий Александрович Разумов

Параллельный мир (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2477255

Аннотация

Вы идете по дороге и даже не подозреваете, что совсем рядом, в двух шагах от вас, кипит другая невидимая жизнь. Ее не обнаруживают никакие самые точные приборы. Она существует в ином измерении, ином масштабе времени. Это тот таинственный параллельный мир, в который, возможно, переходит каждый из нас после своей смерти.

Вот на обочине лежит камень. Ему миллионы лет. На него ступали копыта двурогого шерстистого носорога и широкопаладая ступня архантропа, нашего далекого предка. Поверхность камня усыпана какими-то загадочными знаками. Не отпечаток ли это ноги пришельца из Космоса?

А вон другой камень, тоже не простой булыжник. Может быть, это осколок метеорита – космического маяка, указывавшего путь звездолетам других планет.

Обо всем этом рассказано в этой книге. Прочтите ее, и вы убедитесь, что удивительное не где-то там в заоблачной выси, в необъятной дали, а здесь, в вашем доме, на вашей улице. Автор пытается показать, что вымысел и правда, фантастика и реальность – все не антиподы. И что нередко быть оказывается фантастичнее сказки, а фантастика – правдивее реальности.

Содержание

КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК	4
МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА	19
СТАРОЕ ФОТО	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Геннадий Разумов

Параллельный мир (сборник)

КОСМИЧЕСКИЙ МАЯК

Это случилось много лет назад. Я работал тогда в геофизическом отряде одной большой геологической экспедиции. В тот день меня послали на предварительное обследование одного небольшого нового объекта. Я довольно быстро справился с делами и пораньше отправился домой. Обратного я решил поехать другим, неизвестным, но, как мне казалось, более коротким путем.

Нагруженный приборами старенький уазик, грохоча кузовом, медленно катил по разбитой давно неасфальтирован-

ной дороге. Этого потрепанного временем и ухабами пенсионера неоднократно собирались отправить под пресс, но каждый раз его спасал безотказный почти безремонтно работавший двигатель-долгожитель.

Вот почему я так удивился, что на сей раз мотор вдруг захрапел, захрипел, чихнул и умолк. «Может, перегрелся?» – подумал я, подергал ключ зажигания, покрутил стартер, потом открыл дверь и спрыгнул на дорогу. И тут же сразу почувствовал что-то неладное. Огляделся. Вокруг широкой сковородой желтела пожухлая степь, еще не начавшая отдыхать от жестокого дневного пекла. Вниз к горизонту уплывало оранжеватое солнце, а ему навстречу поднимался бледный оттиск полумесяца. Ничего необычного глаз не отмечал, но всем своим существом я ощущал сильный наплыв какого-то странного излучения. Откуда оно шло? Я нагнулся, положил ладони на еще горячую суглинистую землю, и мои пальцы вздрогнули, как будто их ударило электрическим током.

Вообще-то я рано открыл в себе удивлявшую всех способность чувствовать всякого рода аномалии. Будучи еще подростком, я точно указывал, где за стенкой у соседей стоит отопительная батарея. Позже юношей я мерил бабушке давление обручальным кольцом на шерстяной нитке, и круговым движением ладоней снимал головную боль.

А в студенческие годы научился владеть так называемой "волшебной палочкой". На преддипломной практике с помо-

щью оструганного ивового прутика я обнаружил под полом Останкинского дворца в Москве старые водосточные трубы. Этот древний дренаж многие годы не могли отыскать археологи и архитекторы-реставраторы.

Но здесь моих биофизических талантов явно было недостаточно – то, что ощущали мои пальцы, не походило ни на что, с чем я имел дело раньше. Здесь, безусловно, надо было действовать инструментально. Я распаковал магнитометрическое оборудование, забил в землю щупы-электроды, разложил на траве провода и включил приборы. Счетчики щелкнули, их зашкалило – мощность аномалии была слишком высокой. Но удивительное дело: стоило только отнести хотя бы один прибор в сторону, стрелки сразу же возвращались к нулю. Это могло означать лишь одно – источник излучения был локальным, почти точечным.

В те годы я был фанатом геоэифики, считал ее королевой поисковой геологии, увлекался разными дистанционными методами. Однако, конечно же, я сознавал: наша, геофизиков, роль, хотя и первая, но не основная – мы только обнаруживаем, находим. А вот доставать, добывать мы не можем. И этот случай не был исключением. Никакие самые современные пеленгующие методы не могли заменить простого и безошибочного способа – "пощупать" землю руками. Так уж устроен человек...

Значит, нужен был шурф, нужно было бурение – что тут было еще делать без него? Но труднее для меня задачу и при-

думать было нельзя. Наша экспедиция имела в том году целый ряд срочных "сдаточных" объектов. А на выполнение того заурядного задания, на которое я в тот день ездил, мне даже помощника не дали. И если бы я пришел к начальству с еще новым делом, меня, наверняка, послали бы подальше.

Вот так я стоял, размышлял, но вдруг что-то прервало ход моих мыслей. Мне почудилось: что-то случилось. Я подбежал к приборам. Так и есть – стрелки стояли на нуле. Что за черт? Я покрутил регуляторы настройки, переключил тумблеры гравиметрии, но ничего не изменилось. Аномалия исчезла.

Очень странно. Можно было усомниться в собственных ощущениях, но приборы... Я прислонился к копоту машины, достал пачку сигарет, закурил. Что делать? Наверно, пора сматывать удочки. Я докурил, загасил каблуком окурок, потом подошел к щупам, выдернул один и хотел было уже разобрать проводку, но, случайно бросив взгляд на магнитометр, чуть не вскрикнул от удивления – стрелка снова подпрыгнула. Источник таинственного излучения снова ожил.

Не менее часа просидел я у загадочной аномалии, ведя замеры необычного магнитного поля. Его изменение оказалось строго периодичным: каждые 7,38 минуты исчезало и каждые 1,42 минуты появлялось вновь. Насколько мне было известно, ничего подобного никто никогда в природе не наблюдал, никакие известные магнитные аномалии не вели себя таким вот загадочным образом.

Это уже могло заинтересовать мое экспедиционное начальство и заставить его выделить мне помощь. Что было еще здесь делать? Я собрал приборы, погрузил их в машину и отправился домой.

На следующее утро в Управлении экспедиции царила обычная деловая суета. В длинных коридорах стоял столбом табачный дым, и громким птичником разносился гул неразборчивых голосов. Поисковики и разведчики, командированные и полевики, буровые мастера, крановщики и шоферы громко обсуждали свои злободневные проблемы, спорили, выбивали у снабженцев транспорт, горючее, буровые инструменты, трубы.

Начальник встретился мне в приемной своего кабинета. Он, как всегда куда-то спешил и мое сообщение о необычной находке выслушал здесь же на ходу и без всякого интереса.

– Точечная аномалия, говоришь? – произнес он, думая о чем-то своем. И, поглядев куда-то в сторону, добавил: – Никакого промышленного значения не имеет.

Однако, столкнувшись с моим погрузневшим, но настоящим взглядом и поняв, видимо, что в данном случае так просто от меня ему не отделаться, улыбнулся краем губ:

– Ладно уж, бери КШК и больше ко мне не приставай. Только смотри, на один день. Лабораторию сделаешь на полигоне, Елене Геннадьевне скажи, я велел. Пока!

Копатель шахтных колодцев (КШК), конечно, не очень

подходил для серьезных дел: сил у него маловато и глубины большой он не дает, но настоящего бурового станка все равно не допросишься. Поэтому, давно привыкнув удовлетворяться тем, что дают, я спорить не стал, махнул рукой и пошел оформлять заявку.

На следующий день с бурувиками Николаем Сергеевичем и Рудиком мы приехали к тому таинственному месту. Подкатали КШК к точке бурения, развернули, и вонзили шнек в землю. Сначала лопасти выбросили на поверхность сухую суглинистую почву, потом пошла плотная серая супесь, а за ним темный илистый песчаный грунт. Это был аллювиальный песок, принесенный сюда миллионы лет тому назад давно ушедшей отсюда далеко на восток прарекой Ухтой. Здесь в этом песке где-то и лежало загадочное тело с пульсирующим излучением.

Первый шурф не дошел до расчетной глубины. Рабочие нарастили шнек и снова погрузили его в грунт. Однако второй шурф тоже не попал куда было нужно – шнек переуглубился и прошел мимо уровня аномалии.

– То недолет, то перелет, – огорчился я и стал перекладывать сеть своих геофизических проводов и щупов. – Сейчас новую подсечку сделаем.

– Это тебе не окуня ловить, – заворчал Николай Сергеевич. – Мы так с твоими артиллерийскими пристрелками ничего тут не заработаем. Давай последнюю точку, и кончаем эту волынку.

Я опять переставил приборы, установил измерительный зонд и наметил ось новой разбурки.

Но и третий шурф оказался неудачным, хотя прошел где-то совсем рядом.

– Ладно, бери лопату, полезли вниз, – сказал я Рудику, – старый ручной способ вернее.

Мы спустились в шурф, установили крепеж, чтобы земля не обвалилась, и работа закипела. Лопата за лопатой, метр за метром прощупывали мы стенки шурфа. Николай Сергеевич подстраховывал нас с поверхности и оттаскивал ведра с землей.

– Кладоискатели! – недовольно сказал он. – Зря время только теряем.

Проработали мы около часа и ничего не нашли. Потом собрались уже из шурфа вылезать, как вдруг Рудик закричал:

– Есть клад!

Я быстро повернулся к Рудику и ткнул свой ломик в стенку шурфа – туда, где торчала его лопата. Ломик звонко стукнулся о что-то твердое. Мы стали осторожно расчищать участок расположения таинственного тела черенком лопаты, чтобы не поцарапать, прощупывали его края и окапывали со всех сторон.

– Сергеич! – крикнул я. – Спусти-ка нам сюда пару досок.

Получив сверху доски, я воткнул их в песок и сказал Рудику:

– Давай, подкапывай снизу. Потихоньку только.

Прошло еще несколько минут, и загадочный предмет в стенке шурфа зашевелился. Потом он потерял равновесие, качнулся, выскользнул на доски и почти бесшумно рухнул на утоптанное дно шурфа.

– Эй, что там? – закричал сверху Николай Сергеевич.

Я не ответил, снял рукавицы и медленно одними пальцами стал очищать упавшее тело от влажного глинистого песка.

Это был обыкновенный камень, ничем особенным не отличавшийся от простого булыжника. Подняли его наверх, рассмотрели внимательнее. Твердая темно-коричневая многогранная поверхность неправильной формы, вес – килограммов восемь-десять.

– Чухня какая-то, – ругнулся Рудик. – Целый день потеряли из-за такой ерундовины.

– Не скажи, – возразил я. – Разве не чудо – одиночный камень в сплошном песке. Сколько и кто бы тут ни бурил, всегда шла только глина или песок. А камень первый раз встретился. Откуда ему тут быть? Очень странно...

– Хватит, кончайте треп, поехали, – заторопился Николай Сергеевич, – надеюсь, никто не собирается пачкать нашу КШК этой булыгой?

– Не только собираюсь, но сейчас это и сделаю, – ответил я, – и вы довезете меня с ним до полигона, где мы его сдадим на исследование. Еще посмотрим, что это за простая булыга...

До полигона мы добрались поздно вечером. Сбросили камень во дворе лабораторного корпуса и поехали в поселок по домам.

В девять утра я был уже на полигоне. Заведующая лабораторией Елена Геннадьевна сама взялась провести все необходимые опыты.

– Просквозим ваш камень ультразвуком, изотопом, рентгеном, – сказала она, – и загадки никакой не будет, узнаем точно, что это у него там внутри.

Я затащил камень в операторскую, а сам вернулся в кабинет заведующей. Сел за стол у окна и, чтобы отвлечься и укоротить ожидание, стал заниматься обработкой полевых материалов, скопившихся за последнюю неделю. Но делать ничего не мог. Походил по комнате, выкурил сигарету, опять сел. Поймал себя на мысли, что волнуюсь точно так же, как тогда в больнице, возле рентгеновского кабинета, где решалась судьба отца...

Мучительно долго тянулось время.

Наконец дверь операторской открылась, и вышла Елена Геннадьевна.

– Ну что, нашли что-нибудь? – бросился я к ней.

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом, потом присела на край стола и косо усмехнулась:

– Ну, и что, шутничек, долго будем шуточки разыгрывать? Вроде бы серьезный человек, геофизик...

– Что такое? В чем дело? – не понял я.

– А в том, что в вашем камне ничего нет. Ровным счетом ни-че-го!

– Как так ничего? – воскликнул я. – Откуда же тогда магнитно-гравитационное излучение, да еще такое сильное?

– Вот этого я не знаю, – Елена Геннадьевна пересела в кресло за свой рабочий стол и сказала с улыбкой. – А не пригрезилось ли вам что-то? Или, может быть, вы с друзьями вчера лишней бутылкой побаловались. Со своей же стороны повторяю: ни рентгенологическое, ни изотопное, ни ультразвуковое обследование ничего не обнаружило. Камень однороден во всем его объеме. Никаких включений там нет, тем более, каких-то там приборов-излучателей.

Я насупился, поник головой, огорченно поджал губы. Долго молчал. Поднял голову.

– Вот невезуха! – сказал я, потом опять помолчал и с надеждой спросил: – Но, может быть, плотность какая-то особая, а? Состав химический или физический необычен?

– Камень, конечно, для своих размеров несколько тяжеловат, – ответила задумчиво Елена Геннадьевна. Потом с насмешкой добавила: – Вы что же, предполагаете, что этот камень – метеорит? И у вас, наверное, есть какая-нибудь захватывающая дух гипотеза?

Я усмехнулся, на мгновение задумался, потом взял из угла комнаты стул, подсел к столу и неожиданно спросил:

– Вы когда-нибудь видели, как на побережье работает

морской маяк?

— Ну конечно, горит-горит, затем гаснет на время, потом опять зажигается. Кажется, это для того, чтобы мореплаватели не спутали его с уличным фонарем на набережной. — Она улыбнулась и внимательно пригляделась ко мне. — А-а-а, теперь я понимаю причину вашего волнения. Вы большой научный фантаст, точнее, фантазер. Ну, конечно же, вы предполагаете, что это космический маяк, не так ли?

— Вот именно! — Я достал из бокового кармана куртки сложенную гармошкой длинную узкую перфоленту, развернул ее и вытянул на столе. — Это сейсмограмма, которую я снял в поле. Смотрите, с какой строгой периодичностью повторяются пики и паузы излучения. Прямо какой-то "пульсар" или радар. Но и этого мало: в каждом периоде интенсивность поля изменяется по какому-то необычному закону. Видите, вверх-вниз, сначала плавно растет, потом падает. То ли синусоида, то ли что-то другое. А вот рядом прослеживается еще один сигнал, уже другой частоты и силы. И тоже пульсирующий.

— Что же это значит? — спросила посерьезневшая Елена Геннадьевна, внимательно разглядывая зубчатые графики.

— А то, что перед нами не просто маяк или дорожный знак, вероятно, указывающий звездолетам направление движения. Это еще и информационный пункт, сообщающий путникам необходимые сведения! Может быть, именно так космонавты на ходу "заправляются" знаниями об окружаю-

щих звездах, планетах и так далее.

– В общем, информационно-заправочная станция обслуживания в космосе, – снова усмехнулась Елена Геннадьевна, – и это в простом-то кремнистом камне. Ничего более солидного ОНИ придумать не могли. Такая наивность!

– Не верите, – огорчился я. – Но почему внеземные цивилизации должны обязательно быть похожими на нас и строить всякие сложные и громоздкие молибденово-титановые межпланетные сооружения? Почему не наоборот, чем выше уровень развития цивилизации, тем она проще?

– Ах, оставьте, – отмахнулась Елена Геннадьевна. – Неужели вы всерьез думаете, что все эти ваши сигналы что-то означают?

– Как хотелось бы это узнать, – вздохнул я. – Но, увы, наверно, это невозможно. Кто мы такие? Мы – неандертальцы, которым попала в руки напечатанная в типографии книга. Вот мы смотрим на нее и догадываемся: систематическое расположение знаков что-то означает. Но что? Прочесть ничего мы не можем, не пришло еще нам время быть грамотными.

Елена Геннадьевна встала из-за стола и, глубоко погрузив руки в карманы халата, стала медленно расхаживать по комнате. После долгого молчания она остановилась передо мною и сказала решительно:

– Когда мало знаешь, то много предполагаешь. Нам даже минералогический состав камня неизвестен. Надо хотя

бы геохимическое и физическое обследование провести, а потом уж фантазировать. Давайте-ка, начнем со статистической нагрузки. Помогите поставить объект на установку.

Прошли в операторскую. Я поднял камень, подтащил его к стоявшей в середине зала станине, уложил под пресс и закрепил струбцинами.

– Давление давайте постепенно, – попросил я Елену Геннадьевну.

– На всякий случай поставим опыт на программное управление, – ответила она, – пусть нагрузка растет автоматически. А сами от греха подальше уйдем.

Мы вышли из лаборатории и направились к лесу. Прошли по хорошо утоптанной дорожке к сложенной из двух бревен скамейке, сели. Елена Геннадьевна с хитрецей взглянула на меня и сказала:

– Я бы в ваших фантазиях пошла дальше. Почему не предположить, что этот камень – послание из Вселенной, инопланетный привет в метеоритной упаковке, письмо в каменном конверте. Разве не эффектно?

– Вы зря смеетесь, – ответил я. – Ведь, действительно, вполне может быть, что потенциально возможные инопланетяне никогда и не собирались посещать Землю сами. Они могли неким узконаправленным лучом, вроде лазера, "зарядить" камень-метеорит прямо со своей планеты. Или... Еще смелее: этот простой булыжник и есть форма существования самой инопланетной материи. Почему не предположить,

что какая-либо высокоразвитая цивилизация (или даже то, что осталось от нее после ее гибели) существует лишь в виде такого вот мощного магнитно-гравитационного поля, посылающего информационные сигналы во Вселенную? Возможно? Конечно! Мы еще ничего не знаем.

Я замолчал.

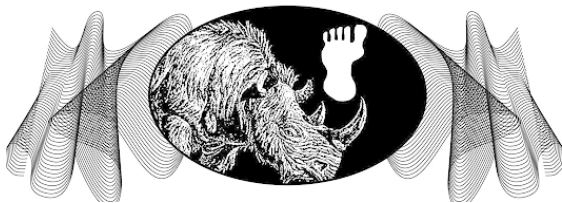
В этот момент воздух разорвал оглушительный взрыв. Деревья на опушке леса склонились почти до земли, сверху градом посыпались сухие ветки, листья. Мы с Еленой Геннадьевна бросились к полигону. Сюда же, к зданию лаборатории, где вылетели все стекла в окнах, со всех сторон бежали люди.

– Никого не пускайте, – громко крикнул я, вырвавшись вперед. Всех обогнав, я вошел в здание и закрыл дверь на засов. Взглянул на контрольные приборы у входа в операторскую – слава богу, никакого опасного излучения в помещении не было. Я с волнением распахнул дверь и замер – под прессом установки статических испытаний, куда я десять минут назад своими собственными руками положил камень, было совершенно пусто. Не веря своим глазам, я подошел к станине, потрогал ее руками. Камень исчез.

Опустошенный и разбитый, как после тяжелой болезни, я вышел на улицу. Небольшая толпа работников полигона потянулась ко мне, ожидая объяснения. Я повернулся к Елене Геннадьевне, развел недоуменно руками и пошел в сторону леса.

Что я мог им сказать? Что мы – неандертальцы?

МЫ ПРИДЕМ СЮДА СНОВА

Спасаясь от погони, человек бежал по мелкой морской лагуне. Это была плоская широкая прибрежная низменность, вытянутая вдоль моря и отделенная от него невысокими песчаными дюнами. Через редкие узкие проливы-гирла морская вода во время штормов прорывалась в лагуну, быстро испарялась, оставляя вместо себя плотный густой соляной раствор.

Человек бежал, тяжело передвигая ноги в воде, доходившей ему до колен. Его ступни проваливались в толстый слой вязкого донного ила. Но не только это замедляло его бег, еще большее затруднение представляло то, что человек был хромой. Он сильно припадал на правую ногу и, если бы не большая толстая палка, служившая ему опорой, он давно бы свалился в грязную горько-соленую воду.

Его преследовал гигантский двурогий носорог. На спада-

ющей складками коже зверя грязными лохмотьями висела грубая серая шерсть. Безобразная угловатая морда с короткой толстой шеей завершалась двумя огромными кривыми рогами.

Несмотря на грузное телосложение, внешнюю неуклюжесть и неповоротливость, носорог развивал бешеную скорость. Несколько раз он почти настиг человека, но тот успел с удивительной ловкостью отпрыгнуть в сторону и увернуться от удара острых рогов. При этом громадная многотонная туша носорога по инерции проносилась мимо. Потеряв цель, он замедлял бег, останавливался в недоумении и, поняв, что потерял добычу, раздраженно бил по дну закованными в копыта трехпалыми ногами.

У носорога были далеко расставленные друг от друга маленькие злобные глаза, которые плохо видели. Однако благодаря отличному слуху и обонянию он быстро находил свою жертву, разворачивался в нужном направлении и стремительно бросался вперед.

Все было ничего до тех пор, пока преследователь и преследуемый бежали по илистому мягкому дну. Носорог увязал в нем, и быстро разворачиваться ему было трудно. Но потом вязкий ил сменился скользкой глиной, и зверь стал намного быстрее делать свои повороты, а движения человека, наоборот, перестали быть такими ловкими, как прежде. Его ноги скользили по глине, разъезжались в разные стороны, палка плохо втыкалась в грунт и уже почти не помогала.

Увертываться от свирепого зверя становилось все труднее и труднее.

И вот наступила развязка. В какое-то мгновение человек поскользнулся, потерял равновесие, не удержался и, взмахнув руками, свалился в зловонную сероводородную жижу. Он хотел подняться, но, повидимому, подвернул больную ногу и стал совсем беспомощным. Барахтаясь в воде, он тщетно пытался встать. Наконец человек совсем отказался от этих попыток, встал на четвереньки и пополз в сторону от стремительно приближавшегося к нему носорога. Однако скорости их, конечно, были несоизмеримы. Зверь настиг его и со всего размаха вонзил свои рога.

Но тут произошло нечто совершенно непонятное – рога носорога воткнулись не в человека, а в глину, в дно. И вовсе не потому, что он промахнулся, а потому, что человека на этом месте вдруг не оказалось. Нет, он не отпрыгнул в сторону, не отполз и не отбежал. Он просто-напросто исчез. Как?

В этом-то и была неразрешимая загадка финала тех драматических событий, которые произошли полтора миллиона лет назад на топкой морской лагуне.

Погоня ископаемого носорога-эласмотерия за первобытным человеком длилась всего около двух коротких часов. Зайдинский же шел по их следам уже более пяти долгих лет.

Все началось с того жаркого июльского дня, когда старший научный сотрудник Геологического института Зайдинский приехал на электричке в Вилбирск обследовать один

крупный изыскательский котлован. Объект находился далеко от города и Зайдинскому пришлось подъезжать к нему на попутной машине по пыльной проселочной дороге.

Котлована пока еще не было. Взрывники добуривали последние шпуры, закладывали в них камуфлетные заряды, протягивали провода. Зайдинский прошел в прорабскую-укрытие и стал ждать.

Раздался оглушительный взрыв. Земля дрогнула, прорезалась сетью трещин, раскололась на части, и рваные глыбы скалы взлетели высоко в воздух. Белая известковая пыль покрыла все вокруг и закрипела на зубах. Выброшенная порода неровными пирамидами легла на бровку котлована.

Зайдинский пошел за бульдозером, перемещавшим горы камней, лез по откосу, спускался на дно котлована, отбирал образцы для анализа, обмерял мергелевые и гипсовые прослои. Это были ископаемые лагунные отложения плеоценового возраста – бывшие илы, пески и глины, за сотни тысяч лет превратившиеся в твердую скалу.

Бульдозер громко урчал на косогоре. Его гусеницы местили толстый слой пыли, оставляя в ней запутанные пунктиры широких линий. Неожиданно бульдозерист остановил машину и прыгнул на землю.

– Сюда! Быстрее! – закричал он.

Зайдинский был к бульдозеру ближе всех и поэтому подбежал первым. На плоских слоистых мергелевых глыбах виднелись какие-то странные, расположенные парными рядами

углубления.

– Понимаешь, их тут полным-полно, – возбужденно говорил бульдозерист, я-то сначала думал, что это от гусеничных траков моего бульдозера, а потом взгляделся – совсем другие они, эти следы...

Зайдинский поднял валявшиеся неподалеку обломки камней, приложил их друг к другу, потом несколько раз поменял местами, добавил еще пару небольших обломков и вдруг замер от удивления. Перед ним были окаменевшие отпечатки человеческих ступней.

Бросив все другие дела, Зайдинский полез на другую сторону котлована, внимательно осматривая каждый кусок скалы. Там он обнаружил и другие отпечатки – глубокие круглые, собранные по три вместе. Это были следы крупного непарнокопытного животного. Строго симметричными парами они почти всюду сопровождали следы человека.

С этого момента и начались долгие кропотливые исследования. Кроме первого котлована были сделаны десятки других шурфов и раскопов. Геологи перерыли всю бывшую лагуну, перевернули горы грунта, изучили почти каждый квадратный метр древней земли. Вся грунтоведческая лаборатория была завалена глыбами мергеля, известняка, доломита. Тысячи крупных и мелких камней, на которых сохранились загадочные следы. Зайдинский собирал их по частям, по крупичкам и складывал вместе, как детские кубики, как мозаику. Потом он на компьютерной модели изучал схемы

перемещения следов на местности, строил пространственные муляжи.

Постепенно шаг за шагом была полностью восстановлена до мельчайших подробностей картина погони носорога за человеком и найдено то самое место, где преследование закончилось трагическим и таинственным финалом.

И вот пришло это важное и, казалось бы, решающее открытие. Поздно вечером, когда Зайдинский уже ложился спать, ему позвонил домой Кир Зотов, его старый добрый знакомый, в Палонтологическом институте возглавлявший группу поиска.

– Привет, следопытам! – сказал он. – Еще не спишь? И не будешь. Реконструировали мы твоего чуду-юду. Собрали по косточкам. Экземпляр, надо признаться, впечатляющий – рост, фигура, вес, все. Выставим в Палеонтологическом музее – пусть поражает воображение посетителей.

Зотов помолчал немного, потом продолжил:

– Но выявились странные вещи, объяснить их пока не могу. Понимаешь ли, твой зверюга отдал концы как раз в тот момент, когда воткнул рога в землю. Он не успел и шага сделать в сторону, как упал замертво в воду. Это мы установили точно.

– Что же с ним могло случиться, – удивился Зайдинский, – разрыв сердца, инфаркт миокарда?

– Не знаю, не знаю, – ответил Кир, – возможно, он был убит...

– Чушь какую-то ты порешь! Не мог же его прикончить своей деревянной палкой этот загнанный усталый человек?

– Кстати, относительно этого... – Зотов понизил голос. – Если говорить точнее, твой Хромой не был человеком.

– Ладно, хватит меня разыгрывать, – возмутился Зайдинский, – у меня у самого столько загадок – голова пухнет от них, а ты еще добавляешь. Давай-ка упрощать, а не усложнять.

– Да ты не кипятись, послушай спокойно. – Кир сделал небольшую паузу и продолжал: – Наш антрополог подробно изучил вопрос, сопоставил формы ступни сотен ископаемых архантропов. Не буду тебя посвящать во все эти хиромантические хитрости. Скажу проще: большой палец нашего Хромого оттопыривается куда больше, чем у всех известных до сих пор питекантропов и синантропов. Хромой был, по-видимому, чем-то средним между приматом и человеком или еще чем-то неизвестным.

– Но, позволь, – возразил Зайдинский, – в этом районе в те времена никаких сплошных лесов не было, а обезьяны тогда все-таки еще лазали по деревьям.

– Ладно, не будем упражняться в антропологии, – сказал Зотов. – Мы с тобой далеко не Дарвины. Но, без шуток, не пахнет ли тут самой настоящей Нобелевкой? Ведь, кто знает, может, этот Хромой и есть то самое заветное трижды таинственное промежуточное звено между древней человекообразной обезьяной и современным гомосапиенсом. Ведь

сколько лет уже его найти вожделеет целая армия антропологов.

Вот так все усложнилось и запуталось. Находка носорога не только не помогла раскрыть тайну, а, наоборот, задала новые, еще более трудные загадки. Особенно огорчало исчезновение останков Хромого. Куда же он делся? Не мог же он со своей простой деревянной палкой совершить некий фантастический полукилометровый прыжок? Не мог он ни раствориться, ни испариться, ни взлететь в воздух... Хотя кто его знает.

И вот снова (в какой уж раз!) поехал Зайдинский в Вилбирск, вышел на окраину и направился к местам своих полевых исследований, с которыми было столько связано и которые теперь, отслужив свое, были забыты и заброшены. Он ходил между раскопами, отгороженными невысокими заборчиками, между ящиками с мергелевыми и доломитовыми образцами горных пород. И снова, как и раньше, возник перед ним тот древний плеоценовый пейзаж.

Над гладкой поверхностью лагуны висел тяжелый утренний туман, поднимавшийся высоко к подернутому облаками белесоватому небу. Всюду была вода, мертвая сульфатная вода, не оставлявшая места ни для чего подвижного и живого.

И только вдаль на востоке высилась длинная гряда известняковых гор, заросших невысоким кустарником и травой.

Они тянулись параллельно берегу моря и зеленой полосой обрамляли мрачную матовую черноту замершей лагуны.

Но вот за горами загорелась ранняя утренняя заря. Сквозь решето кустарника робко пробился красный луч света. Потом низкое солнце вырвалось из-за горизонта, ударило в глаза и разлетелось маленькими осколками по волнистой поверхности воды. Первобытный человек (или кто он там был) бежал навстречу рассвету. Пытаясь скрыться от погони, он бежал к спасительной земной тверди, к свежести кустов и трав, бежал туда, к Вилтерским горам.

Но не добежал. Как и его преследователь, шерстистый носорог.

С тех пор прошли десятки, сотни тысяч лет. Здесь все изменилось: море безвозвратно отступило далеко на запад, морская лагуна исчезла, на ней выросли мощные слои песка и суглинка, нанесенные ветрами и потоками талых и дождевых вод.

Только Вилтерское нагорье, сглаженное временем и превратившееся в невысокие плоские холмы, осталось от того древнейшего периода истории Земли. Только они еще как-то обозначали границу лежавшей когда-то рядом морской лагуны. Ну, конечно, только где-то в них и должна была быть разгадка тайны.

И так же, как тогда, в тот страшный час, неяркое утреннее солнце поднималось над холмами и длинные бледные тени деревьев вытягивались к западу.

Зайдинский присел на край большого угловатого камня, лежавшего под густым развесистым дубом. Солнечные зайчики прыгали по земле, и, подражая им, шустро бежали друг за другом вперегонки бойкие неотвязные мысли. Но вот одна из них, неожиданная, ясная и простая, вдруг остановилась, вытеснила и заслонила все остальные. Кажется, и раньше она приходила ему в голову, но именно сейчас обозначилась наиболее четко и ярко: **кроме первобытного человека и шерстистого носорога, был тогда на морской лагуне и кто-то третий.**

Кто это был – рыжий саблезубый тигр, черноволосый мохнатый мамонт, коротконогий горбатый зубр? А может быть, это был соплеменник Хромого, сильной рукой натянувший тугую тетиву ивового лука?

Зайдинский встал и направился к берегу протекавшей неподалеку речки, которая уходила вдаль к холмам. Здесь, в низовьях, она была мелкой и тихой. На берег из воды выползали длинноногие голенастые камыши. Собравшись вместо, они косою стаей убегали к самому краю долины.

Зайдинский пошел вверх по течению. Постепенно река делалась все быстрее, долина сужалась, берега приближались друг к другу, становились круче и обрывистее. Здесь речной поток стал глубоко врезаться в современные покровные отложения и обнажил древние ископаемые слои.

Зайдинский замедлил шаг, потом совсем остановился.

Вот оно, это обнажение! Еще в начале работ, при геологи-

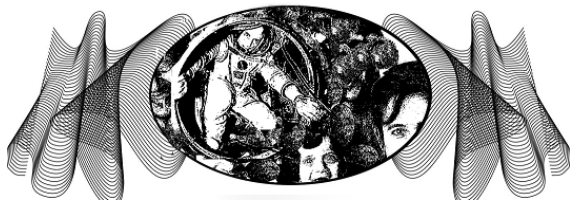
ческой съемке района, он обратил внимание на крутой каменистый обрыв с необычным слоистым сложением. Еще тогда его заинтересовали странные черные включения в верхней части откоса. Что-то важное и таинственное почудилось ему в них. Но в те дни, когда работы на этом объекте было ужасно много, и поджимали сроки сдачи отчета, задумываться над своими ощущениями было некогда.

Зайдинский приблизился к обрыву и стал внимательно разглядывать неровные скалистые слои. Его взгляд пробежал по желтовато-коричневым бугристым прослоям глинистого сланца, темно-серым изломам доломита и вдруг споткнулся об острые прямоугольные выступы того самого необычного черного камня.

Он подошел еще ближе, и ему показалось, что на обрыве вырисовывались какие-то крупные, переплетающиеся друг с другом таинственные знаки. Это была не латынь, не кириллица, не один из известных шрифтов. Беззвучно шевеля губами, он то ли прочел, то ли почувствовал (или ему это только показалось?) буквы, которые складывались в загадочное словосочетание:

Мы придем сюда снова.

СТАРОЕ ФОТО

Зарумов лежал на спине, смотрел на небо и готовился к смерти. Она должна была придти не когда-то там в необозримом будущем, а совсем скоро и в совершенно определенное время: через 2 часа, 32 минуты и 16 секунд. Смерть была запрограммирована с машинной точностью. Именно в этот момент прекратится жизнеобеспечение его автономной капсулы-скафандра, прервется подача воздуха и тепла, нарушится герметизация, и он окажется один на один с чужим мертвым миром вечного безмолвия.

Страх не было. Было лишь сожаление, что в этот последний час он будет совершенно один, без близких и родных. Он не услышит нежного голоса Эвы, не увидит ее милых глаз, умеющих вдруг взрываться радостью и весельем. Никогда больше он не ощутит прикосновения ее мягких ласковых пальцев, и сам не коснется ее гладкой теплой кожи.

И никогда не пройдутся они, взявшись за руки, по солнечной тропинке в зеленом южном парке, и маленькая светло-волосая Бела, рыжунья, не повиснет на его плечах. Никогда он не почувствует ее влажного душистого дыхания, не услышит ее звонкий задорный смех.

Он вообще больше никогда не услышит никакого человеческого голоса, даже самого далекого, радиоволнового, не увидит ничьих человеческих глаз, хотя бы в видеозоре. Он будет до самого своего конца один.

А ведь когда-то раньше, в не такой уж далекой молодости Зарумов, глупец, часто подумывал о том, что так иногда нехватает ему уединения. Вечно на людях: на работе – сотрудники, подчиненные и начальники, на улицах и площадях – толпы народа, толчея в магазинах, в театрах, на выставках, дома – родные, приятели, знакомые, соседи. Ни на минуту не удавалось остаться одному, уйти в себя, сосредоточиться.

Чудак, теперь он может без всяких помех уходить в себя и углубляться сколько угодно. Теперь он до конца останется в одиночестве, и ему никто не будет мешать. Во всей Вселенной, среди мертвых, горячих и холодных звезд, планет, метеоритов, комет – он всегда будет один, наедине с Вечностью.

А ведь только несколько часов назад их было трое. Они летели по межгалактической трассе в автоматическом режиме, занимались своей обычной научной работой, отбирали

пробы космической пыли и газов, изучали излучение звезд и зондировали планеты.

Запущенный по точно рассчитанной баллистической орбите, их корабль описывал в далеком Космосе гигантский эллипс и должен был в строго заданное время вернуться на Землю. Детальные подробные расчеты, казалось бы, учли все самые невероятные неожиданности, любые мыслимые и немыслимые отклонения от трассы, появление на пути корабля новых еще неизвестных космических тел.

И все-таки где-то компьютеры ошиблись. Может быть, произошел сбой в системе слежения ведущего космического маяка или в машинном управлении корректирующих двигателей. Неясно как, но это случилось.

Шел трехсотпятый день их полета. Они за ночь хорошо выспались, позавтракали и теперь сидели в уютном рабочем отсеке, каждый занимаясь своей работой. Приборы и аппараты тихо стрекотали, делая замеры и определения, навигационные приборы были в норме и чутко прислушивались к тому, что делается там, за бортом корабля. Абсолютно ничто не предвещало никаких неприятностей и осложнений, все было спокойно и мирно. |

Механик Литов первый почувствовал опасность. Он оторвался от своих схем и чертежей и долгим взглядом посмотрел на приборы метеорологического прогноза.

– Неладно что-то за бортом, – сказал он задумчиво и настороженно взглянул в иллюминатор, за которым, прав-

да, не обнаружил ничего подозрительного. – Не нравится мне, братцы, метеосводка. Слишком много по нашему курсу непредвиденных ранее метеоритных пылевых | туч, облаков и прочей туманной мерзости.

– Неладно что-то в Датском королевстве, – шутливо продекламировал Миша Кулиш, физик, – кстати, исстари известно, что синоптики, будь они трижды умнейшими и совершеннейшими роботами, всегда врут. Такая уж у них работенка.

Зарумов тоже не придавал тогда значения беспокойству Литова.

– Помните старый бородатый анекдот про оптимиста и пессимиста? – сказал он, улыбаясь. – Их попросили предсказать, какая завтра будет погода. "Хорошая", – ответил оптимист. "Плохая", – возразил ему пессимист. И вот приходит этот завтрашний день – пасмурно, сыро, дождь. Про оптимиста говорят: "Ну и что же, со всяким бывает, ошибся, ничего". А про пессимиста: "У-у, гад, накаркал". Так что, механик, брось свои страхи и охи, давай-ка лучше займемся наладкой моего лучевого зонда, а то ведь скоро он понадобится, скоро уже приблизимся к Трайкосу.

Так называлась еще никем никогда не изучавшаяся небольшая почти карликовая звезда, вокруг которой вращалось множество планет и болидов. Зарумов, отвечавший за геологическую часть исследований, должен был согласно Генеральной Программе изучить плотность, состав и другие

физико-механические свойства планетного вещества.

– Черт с вами, оптимисты, пусть будет по-вашему, – проворчал Литов, поднимаясь со своего рабочего кресла, – может быть, и правда, пока еще нет повода корячиться в туннельном отсеке. Но вот помогу Зарумову и обязательно туда полезу проверить синоптические приборы.

Но он ничего не проверил, не успел.

Пока они возились с лучевым зондом, за бортом действительно что-то произошло. Сначала корабль резко качнулся, потом его затрясло от сильных и частых ударов, закрипела и завибрировала обшивка. Звездолет попал под обильный космический дождь и град. Шквал мелких, средних и крупных метеоритов налетел со всех сторон.

Вышли из строя навигационные датчики, укрепленные на наружной поверхности звездолета, в блоке наблюдения отказало следящее устройство. А потом произошло самое страшное – ослепший корабль потерял курс. Защитное гравитационное поле отбрасывало его, как мячик, от одного болида к другому и швыряло в разные стороны, сбивая с нужного направления.

– Дело совсем дрянь! – воскликнул Литов, взглянув на приборный щиток управления. – Скорость резко растет, мы входим в зону притяжения какой-то планеты. Готовьте аварийные модули.

Все трое бросились к шкафам-запасникам, отсоединили в них автономные капсулы-скафандры, проверили их заправ-

ку и прикрепили к своим рабочим креслам. Кулиш взялся за рули ручного управления системой мягкой посадки. Он напрягся, лицо его покраснело, глаза округлились

– Вот дьявол! – закричал он в ужасе, делая безнадежную попытку овладеть пусковым устройством. – Двигатели не работают. Через 80 секунд мы врежемся в поверхность планеты. Зарумов, как плотность грунта?

Зарумов направил вниз лучевой щуп-зонд. Ничего утешительного – луч на планете отразился от твердого каменистого грунта.

– Разобьемся, – пробормотал он, нахмутив брови и откидываясь на спинку кресла. – Посадка корабля невозможна. Надо самим спастись, придется прыгать.

Правила категорически запрещали выход на поверхность незнакомой планеты, предварительно не изученной хотя бы в объеме обязательной стандартной программы. Но сейчас другого выбора

не было. Все решали секунды. Либо они погибнут, разобьются вместе с кораблем, врезавшись в твердую поверхность планеты, либо катапультируются и останутся до поры, до времени живы.

Согласно бортовой диспозиции, в аварийной ситуации ответственность, старшего должен был брать на себя Литов. Но что ему оставалось сейчас решать?

– Включить катапульты! – скомандовал он. – Через 20 секунд – пуск.

Зарумова спасла его собственная нерасторопность: он забыл заранее снять с пускового устройства предохранитель. На освобождение блокирующей скобы ушли те самые полторы секунды, которые спасли ему жизнь.

Кулиш и Литов опередили Зарумова и стартовали первыми. Они благополучно оторвались от стремительно летящего вниз корабля, взмыли над его поверхностью и уже пошли было на снижение, когда случилась эта ужасная катастрофа.

Откуда-то сбоку вдруг появилось огромное темное газовое облако. Переливаясь в лучах Трайкоса фантастическими фиолетово-сиреневыми бликами, оно стремительно рванулось к космонавтам. Его безобразные лохматые отростки, как огненные языки чудовищного змея-дракона, вытягивались, удлинялись, извивались, непрерывно меняя свою форму и размеры. Еще мгновение, и они коснулись своими острыми звериными жалами людей, тщетно пытавшихся вырваться из их страшных объятий.

Две ослепительно яркие вспышки кривыми лучами-молниями вспороли облачную мглу, газовая пелена сгустилась, стянулась к горящим факелам и взорвалась, исчезнув сама и не оставив ничего рядом с собой, ни живого, ни мертвого.

Так Зарумов остался один. Медленно спускаясь, он осторожно спланировал, сделал несколько небольших кругов и осторожно сел на поверхность планеты. Он отбросил уже ненужные отработанные ракеты, и огляделся.

Вокруг царил суровая мрачная пустота, полный вакуум. Ни атмосферы, ни воды, ни растительности. Одна только голая скальная равнина, в отдельных пониженных местах прикрытая тонким слоем серой похожей на гальку почвы, состоящей из небольших гладких шариков, неподвижных и однообразных.

Древняя, давно уже умершая планета, кое-где была расколота прямыми неглубокими трещинами, обнажавшими такие же скальные холодные недра. Зарумов подошел к краю одной из них и посмотрел вниз – ничего, что могло бы быть для него спасительным или хотя бы полезным, такая же пустота и мертвечина

Он достал из заплечного ящика инвентарную экспресс-лабораторию, установил на штативе сейсмо-акустические приборы и по укороченной программе провел все необходимые геофизические измерения. Планета была однородна, тверда и холодна по всей своей глубине и не оставляла никаких надежд на получение хоть небольшого количества какого-нибудь тепла, энергии, полезных ископаемых или еще чего-либо. Ничего.

Теперь надо было разыскать то, что раньше было кораблем. Это большого труда не составляло, так как Зарумов еще до своей посадки подсек траекторию и координаты его падения. Звездолет лежал в неглубокой расщелине. С первого взгляда стало ясно, что он разбит, сплюснен и ни на что уже не годен, как старая консервная банка.

Кое-как цепляясь за неровные края расщелины, Зарумов спустился к останкам своего недавнего космического дома и остановился, с грустью сознавая безвыходность своего положения. Здесь ни на что не было никаких надежд. Люк входную шлюзовую камеру вместе с самим шлюзом был полностью уничтожен, двигатели сгорели, контейнеры с блоками систем питания и жизнеобеспечения смяты в лепешку. В общем, никаких вариантов.

"А ведь мог бы быть шанс стать Робинзоном Крузо, – усмехнулся с горечью Зарумов, – вот только где взять Пятницу?"

Он на прощание погладил ладонью смятую поверхность разбитых иллюминаторов, провел пальцем по сломанным выступам дюз, как-будто через плотную ткань скафандровых перчаток можно было ощутить тепло земного металла, почувствовать мягкую шершавость защитного кремниевого покрытия.

Ничего не поделаешь, надо идти. Зарумов тем же путем вылез на край расщелины, прошел несколько шагов и снова огляделся. Неяркое окаймленное темной полоской светило Трайкос блеклым розовым колесом медленно катилось по длинному низкому горизонту. Контрастные резко очерченные черные тени рваными тряпками покрывали неглубокие понижения местности. Зарумов подумал, что не стал бы без нужды по ним ходить, хотя, конечно, было ясно, что это только тени, и ничего, кроме галькообразной почвы, там нет и

быть не может.

И все-таки он должен, обязан искать своих Пятниц. Этого требует и устав Межзвездных связей. На каждом новом космическом объекте, кто бы и когда на него не попал, помимо всяких других стандартных исследований, обязательно должен быть проведен поиск следов разумной жизни.

"Не буду напоследок нарушать правила, хотя здесь это простая формальность, совершенно ненужная", – подумал Зарумов, доставая кассетный словарь-справочник Инопланетных контактов. В нем были языки, наречия, диалекты всех времен и народов, когда-либо населявших Землю и другие обитаемые миры, телепатические способы общения, языки жестов и пантомим, цветовых и световых символов. Но в данном случае все это для такой забытой Богом планеты, увы, явно было совсем не нужно. Здесь некому было показывать картинки с изображением людей и Солнечной системы, здесь некому было слушать земную музыку и позывные Межзвездной службы.

Зарумов вспомнил, как на Зарее они установили на возвышенностях видеозоры и целый час гоняли мультики и фильмы-боевики. На них, как бабочки на огонек, слетелись тогда летуны – многокрылые жители планеты. Но там была атмосфера, растительность. А здесь мертвая пустота...

Может быть, все-таки попробовать хотя бы язык лучей?

Зарумов установил на штативе небольшой портативный

радар и стал прослушивать окрестность на волнах самого широкого диапазона длин и частот. Во все стороны по поверхности и вглубь планеты понеслись сейсмические, гравитационные, радио и световые лучи, инфразвук и ультразвук.

Но никакого отклика, даже самого слабого, чуть заметно-го, хотя бы сомнительного приборы не поймали. Только один раз мигнул индикатор, когда инфразвуковая волна скользнула по самому верхнему слою почвы. Однако Зарумов тут же отметил, что причиной возмущения была его же собственная нога.

"Дохлый номер, – пробормотал он про себя, – искать здесь жизнь, все равно, что на Земле в Северном Ледовитом океане ловить жирафов." Он собрал приборы и кассеты с результатами измерений, поставил их на место в скафандровом боксе и снова загерметизировал.

Теперь он должен был умереть.

Древние жители Земли, каждый раз убеждаясь, что человеческое тело после смерти разрушается, превращается в прах, тешили себя надеждой на нетленность, вечность души, на ее загробную потустороннюю жизнь. Они верили в то, что хотя тело умирает, душа остается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.